

Текст · 30 января 2021, 09:39

Олег Зурман,

«А ну-ка, сволочь, пошел, с тобой потом разберутся». Силовики против журналистов на акции 23 января

Общероссийская акция в поддержку Алексея Навального 23 января запомнилась демонстративной агрессией силовиков по отношению к журналистам — освещавших протесты корреспондентов избивали дубинками и задерживали, не обращая внимания ни на жилетки с надписью «Пресса», ни на висевшие на шее пресс-карты. Позже Дмитрий Песков попытался оправдать такое поведение полиции невозможностью «идентифицировать каких-то журналистов». «Были определенные ситуации, где само положение дел не давало возможности идентифицировать каких-то журналистов. Вы видели, что агрессивные молодчики действовали нахально, агрессивно, и, конечно, в этой ситуации методично отличать журналистов от нежурналистов, наверное, очень тяжело, с этим тоже нужно согласиться», — сказал пресс-секретарь Кремля.

Всего, по подсчетам Профсоюза журналистов (ПЖ), накануне и во время уличных акций 23 января в Москве, Петербурге и еще 18 городах^[1] в общей сложности задержаниям подверглись 49 сотрудников СМИ. В некоторых регионах местная пресса столкнулась с подобным отношением силовиков впервые.

Дубинкой по голове, за волосы в автобус

Корреспондент «Новой газеты» Елизавета Кирпанова освещала акцию на Пушкинской площади в Москве. Журналистка надела жилет с надписью «Пресса», на шее у нее висела пресс-карта, при себе она держала распечатанное редакционное задание. Почти сразу после начала акции Кирпанова оказалась в центре площади.

«Я начала снимать происходящее, и в этот момент силовики оттеснили людей в своеобразный полукруг. В центре оказались полицейские, я и еще несколько журналистов в жилетках. Затем ряды быстро сомкнулись, и я оказалась прямо перед полицейскими в первой линии. Они начали кричать, чтобы люди отошли, но отойти было невозможно. Было очень тесно, мы были зажаты, — рассказывает Кирпанова. — И тогда полицейские применили дубинки. Меня ударили по голове. Сразу образовалась большая шишка, пошла кровь. Меня повалили на землю вместе с другими протестующими. Началась сильная давка, я еле могла дышать».

Зажата в толпе, которую с двух сторон теснили полицейские, оказалась и коллега Кирпановой по «Новой газете» Татьяна Васильчук; ей тоже досталось дубинкой по голове.

Кирпанову от ударов прикрыл ее коллега-фотограф Георгий Марков, оказавшийся вместе с ней в первых рядах протестующих. «Удары, которые по сути предназначались мне, он принял на себя. В итоге, ему диагностировали закрытую черепно-мозговую

травму и сотрясение мозга», — говорит журналистка, отделавшаяся, по ее словам, «ушибом мягких тканей».

Там же, на Пушкинской площади, полицейский дважды ударил дубинкой спецкора «Медузы» Кристину Сафонову, одетую в яркий жилет. Журналистка рассказывала: бить ее начали из-за того, что она снимала акцию. На видео попал и сам момент нападения, но, по словам Сафроновой, этих кадров недостаточно, «чтобы подтвердить связь между взмахами дубинкой надо мной (их видно на видео) и позже зафиксированным ушибом». Сейчас журналистка пытается найти очевидцев, которые могли видеть удары или заснять инцидент с другого ракурса.

Носить «ясно видимый отличительный знак представителя СМИ» во время акций протеста журналистов в России обязали в конце прошлого года. «Требование это было и ранее, но теперь знак должен быть единой формы, которую совместно определяют РКН, МВД, Росгвардия и Союз журналистов России, — объясняет старший юрист Центра защиты прав СМИ Светлана Кузеванова. — Нововведения принимались как бы в защиту медиасообщества, чтобы как раз обезопасить журналиста во время работы на митинге и исключить незаконные задержания. Но эксперты сразу высказывали опасения, что отличительный знак может сделать журналиста скорее своеобразной мишенью. Отчасти они оказались правы».

В Петербурге во время акции 23 января к журналистам тоже применяли силу. В числе тех, кто подвергся нападению, а позже был задержан, оказался

заместитель главного редактора «Эха Москвы» в Петербурге Арсений Веснин. Поначалу, вспоминает Веснин, полиция не обращала на него внимания — он вел стрим и выходил в прямой эфир радиостанции. Позже он начал снимать, как избивают лежащих на асфальте демонстрантов — по словам журналиста, это делали люди в шлемах и черной форме без каких-либо знаков различия. Тогда Веснина и заметили: он оказался в окружении силовиков, которые принялись наносить ему удары по всему телу. К счастью, добавляет журналист, на нем был пуховик, а под ним — еще несколько слоев одежды, поэтому удары оказались не слишком болезненными.

Веснина затолкали в полицейский автобус вместе с задержанными участниками акции; он вспоминает, что представился, но на силовиков его слова не подействовали. «Мне сказали: "А ну-ка, сволочь, пошел, с тобой потом разберутся"». Уже в автобусе один из силовиков вырвал у журналиста телефон, впрочем, вскоре его вернул другой полицейский. В автобусе, припаркованном на площади Восстания, Веснин провел около часа, после чего его и других задержанных отвезли в отдел на окраине города, откуда отпустили еще через полчаса.

«У меня было ощущение, что задерживали каким-то случайным образом, — рассуждает Веснин. — Меня задержали, я думаю потому, что они избивали людей, которые лежали на асфальте, я это все снимал. И все это было на общем адреналине, и всем было понятно, что происходит нечто экстраординарное, и я думаю, что всем было наплевать — журналист, не журналист. Думаю, что какие-то указания были по поводу

того, чтобы задерживать журналистов, которые, может быть, будут показывать самые некрасивые ситуации».

При похожих обстоятельствах была задержана журналистка «Черновика» Инна Хатукаева, освещавшая 23 января протесты в Махачкале. Акция в поддержку Алексея Навального проходила на площади Ленина. Когда Хатукаева вместе с двумя коллегами начали снимать, к ним подбежали двое полицейских и потребовали прекратить съемку. Чуть позже журналистка заметила движение в центре площади — там задерживали демонстрантов — и подошла поближе. «В этот момент как минимум пять человек в гражданском накинулись на молодого парня и поволокли в автобус, я начала снимать этот момент. Они стали кричать и требовать убрать телефон, а потом несколько сотрудников подбежали ко мне, повалили на асфальт, схватили и попытались отобрать телефон силой, требовали удалить отснятое», — рассказывает Хатукаева.

Журналистка отказалась. Тогда ее затолкали в «Газель» к остальным задержанным, там же оказались корреспонденты «Кавказского узла» и «Нового дела». В отделе полиции у Хатукаевой спрашивали, поддерживает ли она Навального, а спустя несколько часов отпустили, не предъявив никаких обвинений.

Съемка одного из задержаний на площади Восстания в Петербурге стала причиной нападения полицейского на внештатницу *The Insider* Веру Рябицкую. «Какой-то сотрудник полиции схватил меня за горло, сделал захват, потащил меня и зачем-то

бил по ногам палкой», — вспоминает она. В автобус, рассказывает журналистка, ее втащили уже за волосы.

Задержание как акт цензуры

Многих журналистов, освещавших акции 23 января, подолгу удерживали в отделах полиции, куда их без каких-либо объяснений отвозили силовики.

В Петербурге на Сенатской площади прямо перед началом акции был задержан корреспондент «Медиазоны» Давид Френкель. На нем были жилет и рукав с надписью «Пресса». Френкеля завели в автобус, отрезав: «"Медиазона", не "Медиазона"». Вместе с ним в автобусе оказался корреспондент канала *RTVi* Михаил Шептун. Полицейские продержали журналиста в отделе больше двух часов, а потом выдали ему протокол о доставлении, согласно которому Френкель якобы пришел на митинг как участник — чтобы поддержать Навального.

Задержание Давида Френкеля в Санкт-Петербурге. Фото: Алексей Даничев / РИА Новости

По числу задержаний журналистов Петербург 23 января оказался на первом месте^[2] — ПЖ подсчитал, что там «пострадали как минимум 19 наших коллег». Френкель отмечает, что местная полиция традиционно препятствует работе репортеров на уличных акциях, но удержание журналистов в отделах на окраине города — это новая и беспрецедентная практика. «Никаких сомнений, что это целенаправленная цензура, нет», — добавляет он.

Как акт цензуры расценивает подобные действия силовиков и Светлана Кузеванова из Центра защиты прав СМИ.

«Если журналист не участвовал активно в митинге, не держал плакаты, не выкрикивал лозунги, не солидаризовался с участниками протеста, а просто выполнял свою работу, фиксируя происходящее, то задержание, как правило, незаконно и, конечно, является прямым препятствием к работе или косвенно — актом цензуры», — считает Кузеванова.

В Курске местное медиасообщество 23 января столкнулось с задержанием журналистов на митинге впервые. Силовики не позволили работать на акции в поддержку Навального гендиректору информационного агентства «Секунда» Надежде Сургиной, ее коллегам из новостного агентства «Край» и даже стрингеру, выполнявшему редакционное задание провластного телеканала *РТ*. Поведение полицейских, задержавших журналистов, вызвало скандал, в который пришлось вмешаться замгубернатора Курской области Юрию Князеву. «Мнение всех журналистов единогласно — это было

целенаправленное препятствование журналисткой деятельности, чтобы мы не снимали. Безусловно, сотрудники [полиции] видели, кого задерживали, видели они и документы о том, что мы журналисты. Видимо, была задача помешать съемке», — предполагает Сургина.

Корреспондента телеканала «Дождь» Алексея Коростелева, который выходил в эфир из квартиры в районе Пушкинской площади, задержали из-за изъяна в паспорте. «Я поехал туда — посмотреть, снимать, что они делают. На этаже были двое сотрудников в форме и один в штатском. Он не назвал ни имени, ни должности, я показал паспорт, он стал его смотреть и увидел фотографию. Дальше они вызвали экипаж и отвезли меня в ОВД "Тверское"», — рассказывает Коростелев. По словам журналиста, фотография в его паспорте действительно слегка отклеилась, что и стало формальным поводом для задержания; впрочем с протоколом он согласился.

Давление на российских журналистов осудила организация «Репортеры без границ», а Союз журналистов России направил главе МВД Колокольцеву письмо с просьбой провести проверки по факту задержания репортеров, освещавших митинги 23 января.

С той или иной формой цензуры российские журналисты сталкиваются ежедневно, говорят в Центре защиты прав СМИ, но уличный политический протест — это особо чувствительная для властей сфера, и желание взять под контроль

распространение информации о происходящем в этой сфере растет от одной акции к другой.

«Избиение дубинками и иные акты насилия вообще сложно комментировать с точки зрения законодательства. Это все вне рамок правового поля. Практика задержаний журналистов на разных митингах показывает, что удостоверение прессы, яркие жилеты, редакционные задания не работают в случаях, когда журналиста решили задержать. Его в любом случае доставят в отделение, а там уже будут разбираться, — рассуждает Кузеванова. — Пока разберутся, митинг закончится. А журналисту фактически ничего не останется как либо закрыть глаза на нарушение и работать дальше, либо оспаривать неправомерность действий полиции».

Мертвая статья

Почти все задержанные или пострадавшие в ходе акций 23 января журналисты обратились в полицию и Следственный комитет с заявлениями о противоправных действиях силовиков.

«Кристина Сафонова зафиксировала побои, у нее ушиб, она подала заявление в полицию и сходила на опрос в УСБ МВД, сотрудники которого были вежливы и демонстрировали готовность разыскать и наказать виновного. Как и всегда, я скорее сомневаюсь в том, что это к чему-то приведет, но все же надеюсь на лучшее», — рассказал «Медиазоне» главный редактор «Медузы» Иван Колпаков.

Через два дня после инцидента на Пушкинской журналистке «Новой газеты» Елизавете Кирпановой

позвонили из управления собственной безопасности МВД по Москве и пригласили на опрос. «Там меня детально спрашивали об обстоятельствах удара. Мы даже съездили на место преступления. Теперь в УСБ хранятся фотографии с трех разных ракурсов, на которых я с абсолютно непонимающим лицом указываю рукой на собянинскую плитку на Пушкинской площади. Довольно странная процедура», — говорит она.

В итоге Кипранова написала заявление с просьбой привлечь к уголовной ответственности сотрудника полиции, который ее ударил. Впрочем, она сомневается, что дело будет возбуждено. Глава СПЧ Валерий Фадеев публично назвал произошедшее с журналистками «Новой газеты» «несчастливым случаем».

В Петербурге привлечь внимание к массовым задержаниям журналистов пытаются несколько независимых муниципальных депутатов. Они требуют возбудить уголовное дело по статьям о превышении полномочий^[3] и воспрепятствовании^[4] профессиональной деятельности журналиста. С таким же заявлением редакция «Коммерсанта» обратилась к прокурору Санкт-Петербурга. Задержанные курские журналисты также намерены добиться возбуждения уголовных дел.

Шансы на то, что полицейские понесут наказание, ничтожны, считают в Центре защиты прав СМИ. «Статья 144 мертвая. Она работает иногда, но очень редко и крайне избирательно. Практика ее применения показывает, что за многие годы

существования статьи те несколько уголовных дел, которые можно посчитать по пальцам, были возбуждены преимущественно в защиту журналистов из государственных или провластных СМИ. И почти все известные случаи были связаны либо с насилием над журналистами, либо с повреждением их профессионального имущества, — объясняет Светлана Кузеванова. Случаи, когда дела по статье 144 УК возбуждались против полицейских, ей неизвестны.

По ее словам, силовики часто воспринимают журналистов, работающих на митингах, как союзников митингующих. «И, к сожалению, очень мало оптимизма, что все наладится и журналисты смогут работать на митингах спокойно, не ожидая задержаний, штрафов или избиений, — говорит Кузеванова. — Для них сейчас это зона риска».

Редактор: Дмитрий Ткачев

-
1. Это Хабаровск, Благовещенск, Красноярск, Воронеж, Уфа, Новосибирск, Владивосток, Ижевск, Казань, Ставрополь, Псков, Махачкала, Самара, Курск, Ярославль, Чебоксары, Саратов и Кострома.
 2. Второе место у Москвы с 12 инцидентами, на третьем — Курск, где задержали троих журналистов.
 3. Статья 286 УК.
 4. Статья 144 УК.